

– ЯЗЫКИ И КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ АЛТАЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ СЕМЬИ –

УДК 811.512.157+81'27

<https://doi.org/10.25587/2782-6627-2026-3-38-49>*Оригинальная научная статья*

Якутский язык за пределами якутской этнической среды: случай эвенкийского села в промышленном районе Якутии

И. А. Данилов

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
г. Якутск, Российская Федерация
✉igor_danilov_2000@mail.ru

Аннотация

Якутский язык как объект социолингвистического исследования традиционно рассматривается в контексте якутского этноязыкового сообщества, в то время как коренные малочисленные народы Севера (КМНС), 64,7% которых владеют якутским языком, остаются на периферии анализа. Между тем представители КМНС, владеющие якутским языком, де-факто являются частью якутского языкового сообщества, и изучение языковых процессов в их среде позволяет оценить витальность якутского языка в масштабе республики, а не только среди этнических якутов. В условиях фиксируемого языкового сдвига у детей и молодежи саха исследование функционирования якутского языка в неякутской этнической среде становится особенно важным для понимания факторов, обеспечивающих устойчивость языка за пределами его этнической среды. Цель исследования – изучение функционирования якутского языка у якутоязычных эвенков на примере с. Сьюльдюкар Мирнинского района Республики Саха (Якутия). Методологическую основу составляет метод кейс-стади в рамках этносоциопсихолингвистического подхода с применением триангуляционной стратегии. Сплошное анкетирование взрослого эвенкийского населения села (n=90) дополнено глубинными интервью, включенными наблюдениями и свободным ассоциативным экспериментом (n=80). Якутский язык сохраняет устойчивые позиции: он доминирует во всех сферах повседневного общения, составляет основу языковой идентичности эвенков и рассматривается как приоритетный для передачи детям. Языковые установки респондентов согласуются с их реальными практиками. Свободный ассоциативный эксперимент со стимулом «саха тыла» показал, что якутский язык глубоко интериоризирован в языковом сознании эвенков: преобладают реакции идентификационно-аффилиативного характера, негативно окрашенные реакции отсутствуют. Эвенки воспринимают якутский как «свой» язык, укорененный в их биографическом и культурном опыте. Установлено, что витальность языка определяется не только этническим составом населения, но и комплексом социолингвистических факторов: компактностью проживания, интенсивностью внутригрупповых коммуникаций, семейными языковыми стратегиями, доступностью языковых ресурсов и пр. Результаты исследования указывают на необходимость учитывать представителей КМНС при оценке витальности якутского языка, поскольку они де-факто являются частью якутского языкового сообщества.

Ключевые слова: якутский язык, коренные малочисленные народы Севера, эвенки, якутоязычные эвенки, садыньские эвенки, языковая витальность, языковые практики, языковые установки, этноязыковая идентичность, Республика Саха (Якутия)

Финансирование. Исследование выполнено в рамках государственного задания № 075-00619-26-00 на 2026 г., проект НИР № 124022000071-9

Для цитирования: Данилов И.А. Якутский язык за пределами якутской этнической среды: случай эвенкийского села в промышленном районе Якутии. *Алтаистика. Altaistics.* 2026, № 3 (22), С. 38-49. <https://doi.org/10.25587/2782-6627-2026-3-38-49>

Original article

The Sakha Language Beyond the Sakha Ethnic Environment: The Case of an Evenki Village in an Industrial District of Yakutia

Igor A. Danilov

Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch,
Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russian Federation

✉ igor_danilov_2000@mail.ru

Abstract

The Sakha language as an object of sociolinguistic research is traditionally examined within the context of the Yakut ethnolinguistic community, while Indigenous Small-Numbered Peoples of the North (ISNPN), 64.7% of whom speak Yakut, remain on the periphery of analysis. Meanwhile, representatives of ISNPN are de facto part of the Sakha language community, and studying language processes among them allows for assessing the vitality of the Sakha language across the republic, not only among ethnic Yakuts. In the context of documented language shift among Sakha children and youth, research on the functioning of the Sakha language in non-Yakut ethnic environments becomes particularly important for understanding the factors ensuring language sustainability beyond its ethnic core. The aim of the study is to examine the functioning of the Sakha language among Sakha-speaking Evenks using the case of Syuldyukar village in the Mirny District of the Republic of Sakha (Yakutia). The methodological framework is based on the case study method within an ethnosociopsycholinguistic approach employing a triangulation strategy. The research is based on a comprehensive survey of the adult Evenk population of the village (n=90), in-depth interviews, participant observations, and a free association experiment (n=80). The results demonstrate stable positions of the Sakha language: it dominates in all spheres of everyday communication, serves as the foundation of ethnolinguistic identity, and is perceived as a priority for transmission to subsequent generations. The language situation is characterized by a high degree of consistency between language attitudes and actual practices. Analysis of the associative field of the stimulus “sakha tyla” revealed deep internalization of the Sakha language in the linguistic consciousness of the Evenk population: the dominance of the identificational-affiliative zone and the absence of negatively colored reactions indicate the perception of Yakut as “one’s own” language, rooted in biographical and cultural experience. It has been established that language vitality is determined not only by the ethnic composition of the population but also by a complex of sociolinguistic factors: residential compactness, intensity of intragroup communication, family language strategies, availability of language resources, and others. The obtained results highlight the need to expand the research perspective in assessing the vitality of the Sakha language and to include representatives of ISNPN as full members of the Sakha language community in the analysis.

Keywords: Sakha language, Indigenous Small-Numbered Peoples of the North, Evenks, Sakha-speaking Evenks, Sadyn Evenks, language vitality, language practices, language attitudes, ethnolinguistic identity, Republic of Sakha (Yakutia)

Funding. The research was carried out within the framework of state assignment No. 075-00619-26-00 for 2026, research project No. 124022000071-9

For citation: Danilov I.A. The Sakha Language Beyond the Sakha Ethnic Environment: The Case of an Evenki Village in an Industrial District of Yakutia. *Altaistics.* 2026, No 3 (22), Pp. 38-49. <https://doi.org/10.25587/2782-6627-2026-3-38-49>

Введение

Якутский язык как объект социолингвистического исследования рассматривается преимущественно в двух основных контекстах: его функционирование в моноэтнических якутских поселениях и в столице республики, г. Якутске, с позиции якутов как этноязыкового

сообщества [1]. Кроме того, якутско-русское и русско-якутское двуязычие рассматривается применительно к русской этнической общности, что имеет свою исследовательскую традицию и недавно получило развитие в коллективной монографии под редакцией Н. И. Ивановой [2]. Между тем коренные малочисленные народы Севера (далее – КМНС) в Якутии, значительная часть которых (64,7%, по данным Всероссийской переписи населения 2020 г.) владеет якутским языком, остаются на периферии социолингвистического анализа функционирования якутского языка.

Представители КМНС, владеющие якутским языком, де-факто являются частью якутского языкового сообщества, причем эта ситуация имеет длительную историю: еще в начале XX в. тунгусы и другие коренные народы Якутской области пользовались якутским языком в межэтническом общении не только с якутами, но и между собой [3]. Осмысление языковых процессов, происходящих в среде КМНС, позволило бы оценить витальность якутского языка в масштабе республики, а не только среди этнических якутов.

В типологии витальности языков народов России, предложенной сотрудниками Института языкознания РАН, якутский язык квалифицирован как «ограниченный городской» язык с индексом 3В на основании сохранения межпоколенческой передачи на значительной части ареала, включая городские условия [4]. Однако региональные исследования фиксируют начальную стадию языкового сдвига: «зафиксирована кризисная ситуация с сохранностью якутского языка у детей и молодежи, заключающаяся в стремительном снижении их языковой компетенции и одновременно распространяющаяся как в городском, так и в сельском социуме» [5, с. 80].

В данной ситуации изучение функционирования якутского языка в неякутской этнической среде становится особенно важным, поскольку позволяет понять, насколько устойчивы позиции языка за пределами его «естественного» ареала.

Настоящая статья обращается к случаю якутоязычных эвенков, тех, кто перешел на якутский язык не позднее XIX в. Как отмечает А. А. Сирина, «большинство населения северо-запада Якутии уже к середине XIX в. было якутоязычным» [6, с. 98], а именно там проживает большая часть эвенков республики, что подтверждается современными ГИС-исследованиями [7, с. 253]. Применяя метод кейс-стади, мы проводим исследование на примере садынских эвенков, являющихся потомками брагатских эвенков и компактно проживающих в с. Сюльдюкар Мирнинского района Республики Саха (Якутия). Ж. Ф. Дегтева включает территорию Садынского национального эвенкийского наслега в северо-западную этнокультурную область на основании сходства традиционного природопользования и высокой доли эвенкийского населения [8].

Отметим, что брагатские эвенки представляют собой одну из наименее изученных этнолокальных групп. В силу относительной малочисленности и обособленности от других территориальных групп они не всегда упоминаются в перечнях локальных эвенкийских сообществ [9], что делает их случай особенно интересным для социолингвистического анализа.

Цель настоящего исследования – изучение функционирования якутского языка в неякутской этнической среде на примере садынских эвенков, проживающих в с. Сюльдюкар Мирнинского района Республики Саха (Якутия). Исследование направлено на выявление языковых практик, установок и механизмов межпоколенческой передачи якутского языка у якутоязычных эвенков, а также на оценку витальности якутского языка за пределами его этнической среды.

Методы и материалы

Методологическую основу исследования, как уже писали, составляет метод кейс-стади, позволяющий углубленно изучить конкретное языковое явление в определенном этноязыковом сообществе с учетом его реального социального контекста. Мы опираемся на этносоциопсихолингвистический подход, предложенный и апробированный Н. И. Ивановой [1], который предполагает использование триангуляционной стратегии в виде сочетания количественных и качественных методов сбора и анализа данных.

Количественный компонент исследования основан на сплошном анкетировании взрослого эвенкийского населения с. Слюдюкар ($n=90$), проведенном автором в 2025 г. и охватившем все возрастные и социальные группы. Анкета включала вопросы о языковой компетенции, практиках использования языков в различных коммуникативных сферах и языковых установках респондентов. Качественное измерение формируется за счет глубинных интервью и включенных наблюдений, материалы которых выполняют функцию иллюстрирования и верификации количественных данных.

Психолингвистический компонент представлен свободным ассоциативным экспериментом, проведенным также среди взрослого эвенкийского населения села. Выбор данного метода обусловлен его способностью выявлять имплицитные установки и глубинные структуры языкового сознания, недоступные стандартным опросным методам. Как отмечает Э. В. Хилханова, широкое применение ассоциативного эксперимента составляет специфику российской традиции исследований на стыке социо- и психолингвистики [10].

Респондентам предлагалось назвать первые слова или фразы, приходящие в голову при упоминании стимула «саха тыла» (с якут. якутский язык). Стимул предъявлялся на якутском языке как основном языке повседневного общения в селе. Всего получено 80 реакций. Исследовательский потенциал данного метода, по замечанию И. А. Стернина и А. В. Рудаковой, состоит в том, что «реакция в условиях свободного ассоциативного эксперимента является «неспровоцированной», действительно свободной, что позволяет интерпретировать ее как вербальную актуализацию некоторого семантического компонента слова-стимула, рассматриваемого испытуемым как наиболее яркий, важный для его языкового сознания» [11, с. 36].

Результаты и обсуждение

Село Слюдюкар, основанное в 1956 г. и расположенное на территории промышленного Мирнинского района, отражает процесс адаптации эвенкийского населения к условиям советской модернизации. Промышленное освоение территории привело к утрате оленеводства [12], однако этнокультурная специфика не была утрачена полностью: охота, рыболовство и другие элементы традиционной жизнедеятельности продолжают играть важную роль в жизни села. По данным Всероссийской переписи населения 2020 г., в селе проживает 397 чел., из них 210 эвенков и 167 якутов. Несмотря на численное преобладание эвенкийского населения, языковая ситуация в с. Слюдюкар характеризуется как однокомпонентная и эндоглоссная с функциональным доминированием якутского языка.

Итак, все респонденты отметили владение якутским языком, причем все указали на свободное владение. Распределение ответов на вопрос «Какой из этих языков Вы считаете родным?» демонстрирует доминирование якутского языка в структуре этноязыковой идентичности респондентов. Подавляющее большинство (66,7%, $n=60$) признает родным исключительно якутский язык, что соответствует фактическому языковому поведению и полному функциональному доминированию якутского во всех коммуникативных сферах села.

Вместе с тем примечательно присутствие респондентов, признающих родным эвенкийский язык (13,3%, n=12) или демонстрирующих двойную этноязыковую идентичность – якутский и эвенкийский одновременно (11,1%, n=10). Подобная ситуация отражает усиление символической мощности этнического языка в контексте роста этнического самосознания [13]. Двойная этноязыковая идентичность при этом представляет собой устойчивый тренд, фиксируемый практически у всех якутоязычных эвенков Якутии [14]. Один респондент указал на двойную русско-якутскую идентичность, что, по всей видимости, связано с высоким уровнем владения русским языком и его значимостью в определенных коммуникативных сферах. Не дали ответа на вопрос 7,8% респондентов (n=7).

Языковая идентичность проявляется в конкретных коммуникативных практиках повседневности. Поскольку структура повседневной жизни складывается в кругу семьи, друзей и коллег [15], анализ языкового выбора в названных сферах позволяет выявить реальные паттерны языкового поведения. Распределение языков в основных коммуникативных сферах повседневности представлено в табл. 1.

Таблица 1

Языковая дистрибуция в сферах повседневного общения (в %)¹

Table 1

Language distribution in spheres of everyday communication (in %)

Язык общения	Дома	На работе	С друзьями
Якутский	82,2 (74)	41,1 (37)	56,7 (51)
Якутский, русский	13,3 (12)	38,9 (35)	25,6 (23)
Русский	1,1 (1)	10,0 (9)	1,1 (1)
Нет ответа	3,3 (3)	10,0 (9)	16,7 (15)

Как видно из таблицы, якутский язык безусловно доминирует во всех трех сферах повседневного общения, однако степень его доминирования и характер распределения варьируются в зависимости от коммуникативной сферы. Наиболее монолитно представлен якутский язык в домашней сфере (82,2%), что отражает его статус языка внутрисемейной коммуникации и первичной социализации. В общении с друзьями доля моноязычного якутского использования несколько снижается (56,7%), а билингвальная практика (якутский и русский) возрастает до 25,6%. Наиболее сбалансированное распределение наблюдается в рабочей сфере: практически равные доли респондентов указывают на использование исключительно якутского языка (41,1%) и билингвальную практику (38,9%).

Выявленное распределение отражает функциональную специализацию языков, согласно которой якутский остается языком неформального и приватного общения, в то время как русский язык активизируется в более формализованных и публичных контекстах, особенно связанных с профессиональной деятельностью. Присутствие русского языка в рабочей сфере обусловлено расположением села на территории русскоязычного промышленного Мирнинского района. Данный момент отличает с. Слюдюкар от якутоязычных сел, расположенных на территориях моноэтнических якутских районов, где использование русского языка в производственной сфере практически не отмечается [16]. Вместе с тем примечательно, что даже в рабочей сфере доля использования исключительно русского языка остается минимальной (10,0%), что свидетельствует о прочных позициях якутского языка как языка повседневной коммуникации, в том числе в официальных и полуофициальных контекстах.

¹ Здесь и далее в скобках указаны абсолютные значения.

Домашняя сфера, продемонстрировавшая наибольшую степень доминирования якутского языка, требует более детального рассмотрения. Анализ языкового выбора во внутрисемейном общении позволяет выявить механизмы межпоколенческой передачи языка и оценить устойчивость языковых практик в наиболее консервативной коммуникативной сфере. Распределение языков в общении с разными членами семьи представлено в табл. 2.

Таблица 2

Языковая дистрибуция во внутрисемейном общении (в %)²

Table 2

Language distribution in intra-family communication (in %)

Язык общения	С бабушкой/ дедушкой	С родителями	С женой/ мужем	С детьми	С внуками
Якутский	44,4 (40)	60,0 (54)	53,3 (48)	57,8 (52)	24,4 (22)
Якутский, русский	8,9 (8)	8,9 (8)	6,7 (6)	21,1 (19)	13,3 (12)
Русский	–	–	1,1 (1)	1,1 (1)	10,0 (9)
Нет ответа	46,7 (42)	31,1 (28)	38,9 (35)	20,0 (18)	52,2 (47)

Как и предполагалось, данные демонстрируют устойчивое доминирование якутского языка в общении с представителями старшего и среднего поколений. В коммуникации с бабушками/дедушками, родителями и супругами монологическое использование якутского языка составляет от 44,4% до 60,0%, при этом билингвальная практика остается минимальной (6,7–8,9%).

Вместе с тем в общении с детьми и особенно с внуками наблюдается заметное усиление роли русского языка. Если в коммуникации с детьми доля билингвальной практики возрастает до 21,1%, то в общении с внуками она достигает 13,3%, а доля использования исключительно русского языка – 10,0%. Обнаруженная динамика свидетельствует о постепенном ослаблении межпоколенческой передачи якутского языка и усилении позиций русского в младших возрастных когортах.

Полевые наблюдения позволяют детализировать механизмы данного процесса. С одной стороны, бабушки и дедушки осознают необходимость передачи якутского языка внукам и пытаются говорить с ними по-якутски, однако непроизвольно переходят на русский язык, даже если их уровень владения русским заметно уступает языковой компетенции внуков. Вместе с тем доля таких семей, где внуки говорят преимущественно на русском языке, невысока. С другой стороны, у значительной части детей дошкольного и начального школьного возраста фиксируется хороший уровень владения якутским языком. Наблюдения за спонтанной коммуникацией детей на улице показали устойчивое доминирование якутского языка в неформальном общении со сверстниками. Несмотря на эпизодические вкрапления русских лексем, грамматическая структура речи оставалась якутской, что указывает на якутский как матричный язык детской коммуникации. Зафиксированный случай, когда мальчик 6 лет по замечанию матери (35 лет) свободно переключился с русского на якутский и полноценно перевел сказанное, свидетельствует о формировании у части детей сбалансированного двуязычия.

Таким образом, языковая ситуация в младшем поколении характеризуется высокой степенью вариативности. Наблюдаемое разнообразие языковых траекторий указывает

² Высокая доля неответивших объясняется отсутствием соответствующих родственников у части респондентов (молодые респонденты не имеют детей/внуков, у пожилых отсутствуют живые представители старшего поколения и т.д.).

на отсутствие единого вектора языковых изменений и зависимость результатов от конкретных семейных стратегий. В интервью женщина до 40 лет отметила, что ее дочь 5 лет, преимущественно говорившая по-русски, теперь свободно говорит по-якутски. В этом она усматривала влияние детского телеканала «Тооку», транслирующего мультфильмы на якутском языке. Данный пример представляет особый интерес в контексте дискуссии о роли цифровых медиа в языковой социализации. Если ранее отмечалось, что «развитие гаджетизации детско-родительских отношений, ранний свободный доступ детей в Интернет становятся факторами, препятствующими воспроизводству этнического языка» [17, с. 59], то запуск специализированного детского контента на якутском языке (телеканал «Тооку» начал вещание 1 июня 2024 г.) демонстрирует возможность использования цифровой среды в качестве инструмента поддержания якутского языка. Это указывает на то, что определяющим фактором является не сама технология, а языковая политика в медиaprостранстве и доступность качественного контента на недоминирующем языке.

Описанная вариативность языковых практик и наличие успешных случаев межпоколенческой передачи якутского языка в с. Сьюльдюкар выглядят примечательно на фоне общереспубликанских тенденций. Даже в условиях полиэтничного промышленного района языковая ситуация у детей оказывается относительно благополучной, если учитывать, что изучение владения якутским языком у детей саха в моноэтнических якутских районах показало, что свободным владением этническим языком характеризуется лишь 47,55% детей-саха [18]. Можно предположить, что компактность проживания, активные семейные стратегии языковой передачи и доступ к медиаресурсам на якутском языке могут компенсировать потенциально неблагоприятное влияние русскоязычного окружения.

Наблюдаемые языковые практики во многом обусловлены языковыми установками носителей. С целью их изучения в рамках анкетирования респондентам предлагалось выразить согласие или несогласие с различными утверждениями о якутском языке. Полученные данные демонстрируют исключительно позитивное отношение к якутскому языку. Подавляющее большинство респондентов (84,4%, $n=76$) отметило, что любят говорить на якутском языке, что свидетельствует о высокой степени эмоциональной привязанности к языку и его центральной роли в структуре этноязыковой идентичности. Более половины респондентов (53,3%, $n=48$) считают важным хорошо владеть якутским языком, а 45,6% ($n=41$) выражают желание, чтобы их дети и внуки говорили на этом языке, что отражает устойчивую ориентацию на сохранение и передачу языка следующим поколениям. Значительная часть респондентов признает символическую ценность якутского языка: 42,2% ($n=38$) считают, что у языка есть будущее, а 36,7% ($n=33$) полагают, что знание якутского языка престижно.

Вместе с тем прагматическая, инструментальная ценность якутского языка оценивается респондентами существенно ниже. Лишь около трети респондентов связывают знание якутского с самореализацией (30,0%, $n=27$), получением образования (26,7%, $n=24$) и трудоустройством (23,3%, $n=21$). Подобная оценка отражает объективные условия локального рынка труда: доминирование промышленного сектора, где рабочим языком выступает русский, и ограниченность сфер занятости, требующих владения якутским языком.

Тем не менее село демонстрирует заметную культурную и творческую активность на якутском языке. Среди эвенков, уроженцев с. Сьюльдюкара – известные в республике певцы Николай Никифоров и Спиридон Саввинов–Садын, исполняющие и пишущие песни на якутском языке, а также актриса театра Олонхо Сайаана (Инга) Леонова. В селе активно

развивается литературное творчество. Так, к 70-летию с. Сюзьдюкар издан сборник «Айар тыл алыбар куустаран» (2026) на якутском языке, включивший произведения как школьников, так и взрослых авторов. Подобная культурная динамика указывает на то, что эмоциональная значимость якутского языка находит практическое воплощение в творческой самореализации.

Примечательно практически полное отсутствие негативных установок по отношению к якутскому языку. Утверждения о том, что язык не имеет будущего, необязателен или что без него можно обойтись, не получили поддержки ни у одного респондента. Даже потенциально стигматизирующие характеристики (сложность языка (4,4%, n=4), стыд при его использовании (3,3%, n=3), невостребованность (1,1%, n=1)) отмечаются минимальным числом респондентов.

Позитивное отношение к якутскому языку находит отражение в иерархии языковых приоритетов для следующих поколений. Для выявления этой иерархии респондентам предлагалось распределить языки по очередности, согласно которой, по их мнению, должны владеть дети и внуки (1-я позиция – прежде всего, 4-я позиция – в последнюю очередь). Результаты представлены в табл. 3.

Таблица 3

Языковые установки респондентов в отношении желаемого языкового репертуара детей/внуков (в %)³

Table 3

Respondents' language attitudes regarding the desired language repertoire of their children/grandchildren (in %)

Язык	Позиция				Индекс
	1	2	3	4	
Якутский	71,1	18,9	0	1,1	3,42
Русский	31,1	26,7	27,8	0	2,60
Эвенкийский	30	26,7	10	12,2	2,32
Английский	8,9	11,1	15,6	26,7	1,27

Якутский язык демонстрирует безусловное лидерство с индексом 3,42 – самым высоким среди всех рассматриваемых языков. Подавляющее большинство респондентов (71,1%) поместили якутский язык на первую позицию, что отражает его центральную роль как в текущих языковых практиках, так и в стратегиях языковой социализации следующих поколений. Еще 18,9% респондентов разместили якутский на второй позиции. Полученное распределение подтверждает устойчивость установки на межпоколенческую передачу якутского языка и его восприятие как необходимого компонента языкового репертуара детей. Примечательно, что даже в условиях полиэтничного промышленного района, где русский язык доминирует в публичной сфере, якутский язык воспринимается как первостепенный для освоения детьми.

Для углубленного понимания того, какие смыслы и ценности связывают носители с якутским языком, обратимся к анализу свободных ассоциаций. Примечательно, что 56,3% реакций были даны на якутском языке, а 43,8% – на русском. Полученное распределение отражает языковую компетенцию респондентов и подтверждает доминирование якутского

³ Часть респондентов разместила несколько языков на одной позиции, поэтому суммы по столбцам превышают 100%. Индекс приоритетности рассчитан как средневзвешенное: $(4 \times \%_1 + 3 \times \%_2 + 2 \times \%_3 + 1 \times \%_4) / 100$, где $\%_i$ – доля респондентов, выбравших соответствующую позицию. Шкала индекса от 1 (низкий приоритет) до 4 (высокий приоритет). Языки упорядочены по индексу приоритетности.

языка в их языковом сознании. Содержательный анализ реакций позволяет выделить семь семантических зон, актуализируемых стимулом «саха тыла» (табл. 4).

Таблица 4

Структура ассоциативного поля стимула «саха тыла»

Table 4

Structure of the associative field of the stimulus “sakha tyla”

Семантическая зона	Количество реакций	%	Ключевые реакции (примеры)
1. Идентификационно-аффилиативная	37	46,3	родной язык (6), төрөөбүт тыл ‘родной язык’ (3), төрөөбүт тылым ‘мой родной язык’ (2), ийэ тыл ‘материнский язык’ (1), язык народа саха (1) и др.
2. Функционально-прагматическая	21	26,3	кэпсэтэр тылым ‘язык, на котором я общаюсь’ (2), кэпсэтэр тыл ‘язык общения’ (1), санарабыт ‘говорим’ (1), күн ахсын туттар тылым ‘язык, который я использую каждый день’ (1) и др.
3. Аксиологическая	14	17,5	баай ‘богатство’ (3), биһиги баайбыт ‘наше богатство’ (1), сүппэт баай ‘неисчезающее богатство’ (1), саха тылын билэрбиттэн киэн туттабын ‘горжусь тем, что знаю якутский язык’ (2) и др.
4. Культурно-символическая	12	15,0	культура (6), олонхо ‘олонхо’ (3), ыһыах ‘Ысыах’ (2), тойук ‘песня-импровизация’ (1), поэзия (1), стихи (1) и др.
5. Метаязыковая	5	6,3	тюркский язык (1), дифтонг (1), сүһүөх ‘слог’ (1) и др.
6. Персоналии	3	3,8	Өксөкүлээх Өлөксөй (А.Е. Кулаковский) (1), Ойуунускай (П.А. Ойунский) (2), Н.Д. Неустроев (1)
7. Прочие	3	3,8	оҕо ‘ребенок’ (1), баҕа санаа ‘мечта’ (1), айылҕа ‘природа’ (1)

Структура ассоциативного поля стимула «саха тыла» отражает многомерное восприятие якутского языка эвенкийским населением села. Наибольшее количество реакций представлено в идентификационно-аффилиативной зоне (46,3%), что свидетельствует о том, что респонденты воспринимают якутский язык, прежде всего, как основу личной идентичности. Характерны посессивные конструкции (мой родной язык; язык, которым я владею), подчеркивающие личную присвоенность языка и его интимную связь с самоидентификацией говорящего. Реакции родства (материнский язык, мой отец) и территориальной принадлежности (родина, Якутия) маркируют язык как «свой», укорененный в биографическом и географическом опыте. Вторая по значимости функционально-прагматическая зона (26,3%) представляет якутский язык как инструмент актуальной коммуникативной практики. Респонденты используют глаголы настоящего времени (говорю, общаюсь, использую каждый день), маркирующих якутский язык как язык текущего использования. Упоминание институциональных контекстов (урок, учитель, государственный язык) указывает на его статусную позицию в образовании и официальной сфере.

Значительный объем аксиологической зоны (17,5%) эксплицирует высокую символическую ценность якутского языка. Респонденты концептуализируют его как «богатство», причем не просто богатство, а «неисчезающее богатство» (сүппэт баай), что отражает восприятие языка как непреходящей ценности. Реакции гордости (горжусь тем, что знаю якутский язык) выражают эмоциональную привязанность, а императивные

конструкции (каждый человек должен знать, должны развивать) указывают на нормативную установку, предписывающую сохранение и передачу языка как коллективный долг. Культурно-символическая зона (15,0%) демонстрирует глубокую интеграцию языка в культурное сознание. Высокая частотность обобщающей реакции культура и устойчивая связь с фольклорными жанрами (олонхо, тойук), ритуальным праздником (ысыах) и литературными персоналиями свидетельствуют о восприятии якутского языка как носителя культурной памяти и ключевого маркера этнокультурной идентичности.

Метаязыковые реакции (6,3%), хотя и малочисленны, заслуживают внимания. Упоминание лингвистических терминов (дифтонг, слог, тюркский язык) указывает на рефлексивное отношение к языку как к объекту знания. Особенно примечательны метафоры эстетизации (узор, украшение), представляющие язык как объект эстетического восприятия и наслаждения.

Отсутствие негативно окрашенных реакций и реакций, маркирующих сдвиг, конфликт или языковую тревожность, свидетельствует о благополучной языковой ситуации. Якутский язык воспринимается как стабильный, витальный и перспективный, что согласуется с данными социолингвистического опроса о высоком уровне языковой компетенции и регулярности использования. Таким образом, ассоциативный эксперимент выявляет, что для эвенкийского населения якутский язык выступает как интериоризированный, глубоко личный язык, ассоциируемый с родством, родиной, культурным наследием и повседневной жизнью.

Заключение

Исследование функционирования якутского языка в эвенкийском с. Сьюльдюкар показывает, что язык сохраняет устойчивые позиции за пределами якутской этнической среды. Якутский язык доминирует во всех сферах повседневной коммуникации, выступает основой этноязыковой идентичности и воспринимается как приоритетный для передачи следующим поколениям.

Языковые установки респондентов согласуются с их реальными практиками. Позитивное отношение к якутскому языку подкрепляется его активным использованием в межпоколенческой передаче. Несмотря на усиление роли русского языка в младших возрастных когортах, значительная часть детей дошкольного и начального школьного возраста владеет якутским языком на хорошем уровне. Успешные случаи языковой передачи свидетельствуют о том, что компактность проживания, активные семейные стратегии и доступ к медиаресурсам на якутском языке могут компенсировать потенциально неблагоприятное влияние русскоязычного окружения промышленного района.

Анализ ассоциативного поля стимула «саха тыла» выявил глубокую интериоризацию якутского языка в языковом сознании эвенкийского населения. Доминирование идентификационно-аффилиативной зоны и отсутствие негативно окрашенных реакций указывают на восприятие якутского языка как языка «своего», укорененного в биографическом и культурном опыте.

Устойчивость позиций якутского языка в неякутской этнической среде указывает на то, что витальность языка определяется не только этническим составом населения, но и комплексом социолингвистических факторов: компактностью проживания, интенсивностью внутригрупповых коммуникаций, семейными языковыми стратегиями, доступностью языковых ресурсов и пр. Полученные результаты актуализируют необходимость расширения исследовательской оптики при оценке витальности якутского языка. Включение в анализ представителей КМНС, де-факто являющихся частью якутского

языкового сообщества, позволяет получить более полную картину функционирования языка в масштабе республики и выявить факторы, способствующие его сохранению в условиях языковой конкуренции.

Литература

1. Иванова Н.И. *Языковая ситуация в Республике Саха (Якутия): якутский язык в начале XXI в., этносоциопсихолингвистический аспект*. Новосибирск: Наука, 2022:284.
2. Иванова Н.И., Данилов И.А., Бердникова Т.А. и др. *На перекрестке языков: Этноязыковое самочувствие русского населения Центральной Якутии*. Новосибирск: Наука, 2026:224.
3. Патканов С. *Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири на основании данных переписи населения 1897 г. и других источников: Ч. 1, вып. 2: Тунгусы собственно*. Санкт-Петербург: Слово, 1906:283.
4. Коряков Ю.Б., Давидюк Т.И., Коряков Ю.Б. и др. *Список языков России и статусы их витальности*. Монография-препринт. Москва: Институт языкознания РАН, 2023:80.
5. Иванова Н.И., Никитина В.Н., Филиппова А.Г. Социолингвистическая обусловленность функционирования якутского языка в сфере школьного образования: истоки начинающегося кризиса. *Научный диалог*. 2021;10:65-84.
6. Сирина А.А. *Эвенки и эвены в современном мире: самосознание, природопользование, мировоззрение*. Москва: Восточная литература; 2012:604.
7. Филиппова В.В. Эвенки Якутии в XX-XXI веках: пространственно-временная дифференциация численности расселения. *ИнтерКарто. ИнтерГИС*. 2023;2(29):244-255.
8. Дегтева Ж.Ф. Этнокультурное районирование полиэтнических северных территорий (на примере Якутии). *Наследие и современность*. 2019;1(2):63-78.
9. Боякова С.И. Брагатские эвенки: история, расселение, хозяйство, современный статус. *Северо-Восточный гуманитарный вестник*. 2024;3(48):57-68.
10. Хилханова Э.В. Человеческий фактор в российской социолингвистике (субъективные заметки). *Вопросы языкознания*. 2025;4:129-156.
11. Стернин И.А., Рудакова А.В. *Психолингвистическое значение слова и его описание. Теоретические проблемы*. Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing; 2011:192.
12. Белолобская Г.С. Исчезнувшие стада: утрата оленеводства в эвенкийской общине Западной Якутии в советское время. *Genesis: исторические исследования*. 2024;12:42-52.
13. Данилов И.А. Языки коренных малочисленных народов Севера: между ассимиляцией и ревитализацией. *Russian Journal of Linguistics*. 2026;2(30):486-512.
14. Данилов И.А., Игнатьева В.Б. Молодежь коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия): этноязыковая идентичность и речевое поведение. *Томский журнал лингвистических и антропологических исследований*. 2022;4(38):27-40.
15. Иванов А.Г., Полякова И.П. Социальная мифология в пространстве повседневности и масс-медиа. *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*. 2018;1(33):5-15.
16. Данилов И.А., Иванова Н.И. Языковая дистрибуция городской повседневности саха: социолингвистическое измерение (по данным 2021 г.). *Новые исследования Тувы*. 2023;4:301-313.
17. Иванова Н.И. Языковая дистрибуция в семейном общении саха: традиции и инновации. *Научный диалог*. 2023;10(12):49-67.
18. Никитина В.Н. Уровень владения родным языком детей саха в моноэтнической среде Республики Саха. *Томский журнал лингвистических и антропологических исследований*. 2025;3(49):61-69.

References

1. Ivanova NI. *Language situation in the Republic of Sakha (Yakutia): Yakut language at the beginning of the 21st century, ethnosociopsycholinguistic aspect*. Novosibirsk: Nauka, 2022:284. (in Russian)
2. Ivanova NI., Danilov IA., Berdnikova TA. et al. *At the crossroads of languages: Ethnolinguistic well-being of the Russian population of Central Yakutia*. Novosibirsk: Nauka, 2026:224. (in Russian)
3. Patkanov S. *Experience in geography and statistics of the Tungus tribes of Siberia based on data from the 1897 census and other sources: Part 1, no. 2: The Tungus themselves*. St. Petersburg: Slovo, 1906:283. (in Russian)
4. Koryakov YuB., Davidyuk TI., Koryakov YuB. et al. *List of languages of Russia and their vitality statuses. Monograph-preprint*. Moscow: Institute of Linguistics RAS, 2023:80. (in Russian)

5. Ivanova NI., Nikitina VN., Filippova AG. Sociolinguistic conditionality of the functioning of the Yakut language in the sphere of school education: the origins of the emerging crisis. *Scientific dialogue*. 2021;10:65–84. (in Russian)
6. Sirina AA. *Evenks and Evens in the modern world: self-awareness, environmental management, worldview*. Moscow: Eastern literature; 2012:604. (in Russian)
7. Filippova VV. Evenks of Yakutia in the XX-XXI centuries: spatio-temporal differentiation of numbers and settlement. *InterCarto. InterGIS*. 2023;2(29):244–255. (in Russian)
8. Degteva ZhF. Ethnocultural zoning of multi-ethnic northern territories (the case of Yakutia). *Heritage and Modernity*. 2019;1(2):63–78. (in Russian)
9. Boyakova SI. Bragat Evenks: history, settlement patterns, economy, and current status. *North-Eastern Humanities Bulletin*. 2024;3(48):57–68. (in Russian)
10. Khilkhanova EV. The human factor in Russian sociolinguistics (subjective notes). *Voprosy Jazykoznanija*. 2025;4:129–156. (in Russian)
11. Sternin IA., Rudakova AV. *Psycholinguistic word meaning and its description. Theoretical issues*. Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing; 2011:192. (in Russian)
12. Belolyubskaya GS. Vanished herds: the loss of reindeer herding in the Evenk community of Western Yakutia during the Soviet era. *Genesis: Historical Studies*. 2024;12:42–52. (in Russian)
13. Danilov IA. Languages of the indigenous small-numbered peoples of the North: between assimilation and revitalization. *Russian Journal of Linguistics*. 2026;2(30):486–512. (in Russian)
14. Danilov IA., Ignatyeva VB. Youth of the indigenous small-numbered peoples of the North of the Republic of Sakha (Yakutia): ethnolinguistic identity and speech behavior. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 2022;4(38):27–40. (in Russian)
15. Ivanov AG., Polyakova IP. Social mythology in the realm of everyday life and mass media. *Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology*. 2018;1(33):5–15. (in Russian)
16. Danilov IA., Ivanova NI. Linguistic distribution in the urban everyday life of the Sakha: a sociolinguistic dimension (based on 2021 data). *New Research of Tuva*. 2023;4:301–313. (in Russian)
17. Ivanova NI. Linguistic distribution in Sakha family communication: traditions and innovations. *Scientific Dialogue*. 2023;10(12):49–67. (in Russian)
18. Nikitina VN. Native language proficiency among Sakha children in the mono-ethnic environment of the Republic of Sakha. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 2025;3(49):61–69. (in Russian)

Сведения об авторе

ДАНИЛОВ Игорь Альбертович – научный сотрудник, ФГБУН ФИЦ «Якутский научный центр СО РАН», Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, Центр социолингвистических исследований, г. Якутск, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0002-1974-3088>, Scopus Author ID: 57694951900, ResearcherID: AAX-6962-2020, SPIN-код: 3644-6370; e-mail: igor_danilov_2000@mail.ru

About the author

Igor A. DANILOV – research fellow, Center for Sociolinguistic Research, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russian Federation; <https://orcid.org/0000-0002-1974-3088>, Scopus Author ID: 57694951900, ResearcherID: AAX-6962-2020, SPIN-код: 3644-6370; e-mail: igor_danilov_2000@mail.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Поступила в редакцию / Submitted 21.09.2026

Поступила после рецензирования / Revised 28.09.2026

Принята к публикации / Accepted 28.09.2026